

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 186–191
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 186–191

Научная статья

УДК 82.0:61

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-186-191>

Медицинский дискурс и/или морбуальный код: проблемы терминологии современного литературоведения

Е. Г. Трубецкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Трубецкова Елена Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, etrubetskova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7728-2382>

Аннотация. Статья посвящена проблеме разграничения сфер употребления терминов 'медицинский дискурс' и 'морбуальный код' при анализе художественного текста. На основе семиотического и лингвокультурологического подходов уточнено теоретическое определение морбуального кода литературы, описаны его разновидности и основные репрезентанты.

Ключевые слова: морбуальный код, медицинский дискурс, болезнь, литература и медицина

Для цитирования: Трубецкова Е. Г. Медицинский дискурс и/или морбуальный код: проблемы терминологии современного литературоведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 186–191. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-186-191>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-186-191>

Medical discourse and / or morbual code: Problems of terminology of modern literary criticism

E. G. Trubetskova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena G. Trubetskova, etrubetskova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7728-2382>

Abstract. The article deals with the problem of differentiating the spheres of use of the terms 'medical discourse' and 'morbual code' while analyzing a literary text. The theoretical definition of the morbual code of literature has been clarified and its varieties and main representatives have been described on the basis of semiotic, linguistic and cultural approaches.

Keywords: morbual code, medical discourse, disease, literature and medicine

For citation: Trubetskova E. G. Medical discourse and / or morbual code: Problems of terminology of modern literary criticism. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 186–191 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-186-191>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Связь литературы и медицины, рецепция болезни в художественных текстах стали объектом пристального изучения гуманитарных наук последних десятилетий. Это обусловлено несколькими факторами: усилением интереса к институту медицины в связи с этическими проблемами взаимодействия врача и пациента, поднятыми биоэтикой в конце XX в.; появлением и развитием принципиально новых методов лечения (трансплантологии, заместительной терапии, протезирования органов, воздействия на геном человека), требующих всестороннего осмысления; увеличе-

нием продолжительности жизни и, соответственно, «болезненности» популяции в целом, а значит, и вовлеченностью все большего количества людей в «сообщество» пациентов; интересом культуры постиндустриального общества ко всему маргинальному, девиантному, отклоняющемуся от «нормы». Новые вызовы, такие как пандемия коронавируса, приведшая к глобальным последствиям, делают подобные гуманитарные исследования все более актуальными.

В литературоведении анализ текстов, связанных с изображением болезни, развивается в

разных направлениях. Наряду с традиционным рассмотрением особенностей создания образов врачей¹ и анализа художественных проекций биографии писателей, профессионально связанных с медициной (А. Чехова, В. Вересаева, М. Булгакова, В. Аксенова)², большую популярность получил жанр патографии: от фиксации отдельных «диагнозов» героев и анализа эстетических функций психических отклонений, отраженных писателями (В. Руднев³, А. Пекуровская⁴, К. Богданов⁵, И. Сироткина⁶, О. Скопечная⁷), до изучения с точки зрения психиатрии различных периодов развития литературы и искусства (И. Смирнов⁸).

Предложенный Сюзан Сонтаг⁹ анализ метафорических проекций болезни на политические, социально-экономические и культурные процессы получил развитие в работах Л. Геллера¹⁰, К. Инчин¹¹, Н. Тамручи¹², рассмотревших подобные проекции в советской литературе 1920-х – 1950-х гг.

Появились исследования (Е. Фарыно¹³, Н. Фатеевой¹⁴), анализирующие различные эстетические функции изображения болезни, прежде всего, создание особой «оптики», изменение призмы видения подверженного болезни героя¹⁵.

Концептуализация болезни стала объектом лингвистических исследований. Перспективным представляется подход, предложенный Т. В. Шмелевой: составление «тезауруса болезни» и реконструкция на основе изучения морбуальной лексики фрагментов языковой картины мира¹⁶, а также изучение концептосферы «болезни» и «здоровья» в работах Л. Тулениновой¹⁷, С. Севастьяновой¹⁸, С. Троян¹⁹, З. Дубинец²⁰.

Разноуровневость аспектов, связанных с темой болезни, и неоднородность их реализации в художественных текстах делают актуальным введение обобщающего термина, охватывающего все многообразие заявленной проблематики. В современном литературоведении на роль такого выдвигаются «медицинский дискурс» и «морбуальный код»⁷.

Термин «медицинский дискурс» приходит в литературоведение из коммуникативной и когнитивной лингвистики, где он осмысливается как «многомерное коммуникативное образование, системообразующими факторами которого являются его цель, типовые участники, социокультурные обстоятельства общения»²¹. При многочисленных трактовках самого термина «дискурс» большинство исследователей сходятся в его понимании как «связного текста в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текста, взятого в событийном аспекте; <...> речи, погруженной в жизнь»²². Выделяют социально-деятельностный характер дискурса; связь лингвистических и экстралингвистических факторов в его функционировании; многообразие коммуникативных манифестаций; его когнитивную функцию²³.

Медицинский дискурс понимается как тип институционального дискурса, представляющий собой общение в рамках статусно-ролевых отношений²⁴, для достижения поставленных задач он задействует определенные коммуникативные стратегии и тактики, система которых «способна варьироваться и дополняться новыми компонентами в зависимости от смены коммуникативных условий и социальных практик»²⁵. М. Барсукова выделяет как основные диагностирующую, лечащую и рекомендуемую стратегии медицинского дискурса²⁶. К. Керер рассматривает в качестве основных когнитивные стратегии, представленные убеждением и внушением; в качестве вспомогательных: прагматические («направлены на изменение условий взаимодействия между участниками коммуникации, улучшение психоэмоционального состояния пациента, на содействие выполнению назначений и рекомендаций специалиста, демонстрации эмпатии»); диалоговые стратегии («стимулируют речевую активность клиента медицинского дискурса») и риторические («позволяют врачу “приблизиться” к пациенту, подстраиваясь под его восприятие с целью получения релевантной информации и создания психологического комфорта»)²⁷.

Лингвистические исследования востребованы в современной клинической медицине. На изучение тактик и стратегий медицинского дискурса строится нарративная медицина, ставшая «особым клиническим подходом, позволяющим участникам коммуникации совместно конструировать общее смысловое пространство, репрезентируемое в виде нарратива (чаще всего речь идет о нарративах пациента)»²⁸.

Исследователи говорят о разных формах медицинского дискурса: устной (подразделяющейся на обыденную и профессиональную) и письменной; исследуют его подвиды: терапевтический (А. Бушев²⁹), фармацевтический (Г. Бурова³⁰). В работах последних лет материалом для изучения стратегий и тактик медицинского дискурса становятся художественные тексты различной природы. Так, в диссертации Н. Ефремовой³¹, статьях К. Керер анализируется литературная (на материале произведений Н. Амосова, Ф. Углова, Д. Правдина)³² и кинематографическая (на материале сериала «Неотложка»)³³ рецепция медицинского дискурса. Е. Пономаренко³⁴ исследует отрефлексированные в литературе модели общения врача и пациента с точки зрения теории речевых жанров (объектом исследования стали тексты А. Чехова, В. Вересаева, М. Булгакова, Н. Амосова, Ю. Крелина, Ф. Углова).

В последние годы появляются работы, где медицинский дискурс рассматривается не только как речевое взаимодействие врача и пациента, но и как одна из разновидностей художественного дискурса. Под «художественным дискурсом» исследователи понимают «текст в его живом семантическом и прагматическом движениях: в

контексте говорящего – автора, слушающего – читателя и породившей их культуры»³⁵, при таком осмыслении дискурса целостным высказыванием, «речью, погруженной в жизнь»³⁶ становится художественный текст³⁷. Выделяют разные виды художественного дискурса, например, детективный³⁸, фантастический³⁹, поэтический⁴⁰.

К. Керер дает такое определение художественного медицинского дискурса: «...это художественный текст на медицинскую тематику <...>, обладающий эстетической функцией, как любое художественное произведение, установкой на неоднозначность восприятия вследствие того, что авторская позиция может быть истолкована по-разному, субъективностью, так как автор выражает свою точку зрения по тому или иному вопросу, и антропоцентризмом, ведь в центре описываемого стоит индивид»⁴¹.

Подобная трактовка термина, на наш взгляд, не вполне оправдана. В отличие от выделяемых исследователями видов художественного дискурса, предлагаемое К. Керер понимание термина ‘художественный медицинский дискурс’ строится, прежде всего, на выделении тематической доминанты текста, что представляется неоправданно узким, так как медицинская тематика даже в произведениях, где она занимает центральное место, как в «Записках врача» В. Вересаева, в «Записках юного врача» М. Булгакова, в «Раковом корпусе» А. Солженицына, тесно переплетена с другими философскими, экзистенциальными, нравственными, духовными, эстетическими аспектами и не исчерпывает проблематики текста. Кроме того, подобная трактовка термина приводит к омонимичности, затрудняющей понимание: медицинский дискурс как речевое взаимодействие врача и пациента может присутствовать в произведениях, не вписывающихся в определение ‘художественного медицинского дискурса’ К. Керер, например, в «Отцах и детях» И. С. Тургенева, пьесах А. П. Чехова, романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», которые никак нельзя назвать «текстами на медицинскую тематику». Не охватывает ‘художественный медицинский дискурс’ в предложенной трактовке и литературного описания в медицинских терминах и образах явлений, с больницами и врачами на связанных.

Для обозначения различных аспектов отражения в литературе сюжетов, образов и проблем, относящихся к медицине и болезни, а также их метафорических проекций на политические, социальные и другие явления более корректным представляется термин «морбуальный код», который был использован в работах Г. Козубовской⁴² и В. Стениной⁴³.

‘Морбуальный’ (как связанный с болезнью⁴⁴) является своего рода «антонимом» по отношению к ‘медицинскому’ (врачающему болезнь). Данное определение включает в себя не только проблематику, в той или иной мере обу-

словленную взаимодействием врача и пациента, но и рецепцию и отношение к болезни самого больного, изменение его мировосприятия, поведения и связанных с этим философских и нравственных вопросов.

К сожалению, сам термин «морбуальный код» не получил теоретического осмысления. А оно необходимо для избежания метафоричности при его употреблении. Попробуем дать определение морбуального кода. Для нашей работы важна семиотическая трактовка кода как «системы постоянных признаков и их значимостей» в которой существует ряд оппозиций и определенные правила сочетаемости условных символов⁴⁵.

Представляется возможным рассматривать морбуальный код как один из культурных кодов, единицы которого наполняются различным содержанием в зависимости от особенностей национального сознания и культуры описываемой эпохи. В. А. Маслова предлагает использовать для обозначения кода концептуальную метафору «контейнер», в котором «разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код»⁴⁶.

Литература как «вторичная знаковая система» (Ю. М. Лотман) кодирует явления жизни. В художественных текстах одни и те же морбуальные образы (врача, болезни, пациента) по-разному воплощаются в зависимости от контекста эпохи: например, в 1920-е гг. болезнь, физическое страдание связывается в ранней советской литературе с «жертвенностью» героев революции («Как закалялась сталь» Н. Островского), а в 1930-е в проявлениях физической неполноценности советские авторы видят уже неполноценность духовную и политическую («Мы будем жить!» Б. Лавренева)⁴⁷. Различно и осмысление образа врача, меняющееся в зависимости от отношения общества к медицине и от развития самой науки. Во второй половине XVIII в. врач предстает, с одной стороны, как стяжатель шарлатан (в баснях В. Тредиаковского, А. Самарокова, эпиграммах М. Хераскова и Д. Хвостова), а, с другой стороны – как «лечитель душ» (в произведениях Н. Новикова, А. Радищева). Развитие медицины и появление ряда новых областей знания в середине и второй половине XIX в. преломляется в текстах И. Тургенева, А. Герцена, В. Вересаева, рисующих врача-скептика и материалиста, подвергающего жесткой ревизии не только тело больного, но и устройство общества. А в произведениях М. Булгакова, А. Платонова, Б. Лавренева находит отражение характерное для советской культуры 1920–1930-х гг. утопическое видение врача как создателя «нового человека»⁴⁸. Меняющееся и в то же время сохраняющееся некую общность «наполнение» единиц кода концептуальным содержанием позволяет, на наш взгляд, говорить именно о морбуальном коде.

Культурный код содержит ряды основных оппозиций. Для морбуального кода основными

оппозициями являются 'здоровье – болезнь', 'жизнь – смерть', 'врач – пациент'. Они определяют концептосферу морбуального кода.

В лингвокультурологии для определения культурного кода используется еще одна метафора – «понятийная сетка», – с помощью которой носитель языка «категоризирует, структурирует и оценивает окружающие его и свой внутренний миры»⁴⁹. Правила дешифровки культурного кода «задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора»⁵⁰. Они «фиксируются в языковом сознании и в языке и проявляются в дискурсе»⁵¹.

В. Красных выделяет базовые коды культуры: соматический (телесный); пространственный; временной; предметный; биоморфный; духовный⁵². Автор подчеркивает, что нет жестких границ между кодами, они накладываются друг на друга. Система культурных кодов «с разветвленными вертикальными и горизонтальными отношениями внутри нее» образует парадигму культуры⁵³. В. Красных пишет, что количество базовых культурных кодов невелико, и описывает шесть основных кодов. Но многие исследователи считают, что система культурных кодов только начинает изучаться, и рассматривают ее как открытую.

Морбуальный код – один из древних культурных кодов. Как «понятийная сетка» он становится основой для порождения метафор в языке: «духовная слепота», «политическая близорукость», «безумная любовь/решение/поступок», «язвы капитализма»⁵⁴. В этом случае можно говорить о лингвокультурном коде. Также в морбуальных образах выражается глубинное осмысление происходящих перемен (например, революция – «высокая болезнь» или «великолепная хирургия» у Б. Пастернака; система лагерей – злокачественная опухоль в «Раковом корпусе» и «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына⁵⁵).

При описании лингвокультурных кодов их типология строится на выделении трех основных разновидностей: предметно-тематической, понятийной и дискурсивной, которые взаимодействуют в процессе порождения и декодирования художественного текста. Исследователи показывают, что «один и тот же элемент предметно-тематического кода может реализоваться в нескольких дискурсах»⁵⁶. Е. В. Королева убедительно демонстрирует это на анализе произведений В. Ходасевича: например, в его стихотворениях элементы зооморфного кода (рыбы, змея) могут принадлежать обыденному и библейскому дискурсам.

Элементы предметно-тематической разновидности морбуального кода, такие как больница, палата, врач, болезнь, могут включаться в конкретных текстах в разные дискурсы (медицинский, экзистенциальный, политический, религиозный). Например, в «Раковом корпусе» А. Солженицына преодоление болезни героем

и его выписка из онкологического отделения встраиваются в медицинский дискурс (под воздействием химиотерапии опухоль значительно уменьшилась в своих размерах; наступило улучшение в физическом состоянии Костоглотова) и в политический (наступает весна 1955 г. – вместе с героем преодолевает болезнь страна). В рассказе С. Кржижановского «Глазунья в пенснэ» плохое зрение рассказчика описывается в медицинском дискурсе (как близорукость)⁵⁷, бытовом (он с трудом различает и путает предметы; на покупку пенснэ он потратил несколько рублей), фантастическом (упавшее в яичницу пенсне оживает и ведет ироничный диалог с героем, заявляя, что многие образы оно «отражает», не впуская в сознание героя) и философском (заканчивается рассказ монологом «стеклистого придатка»: «...многие и из вас, людей, живут, прилепляясь к чужому видению, к мировоззрению, глядящему на мир сквозь них»⁵⁸).

Дискурсивная разновидность морбуального кода может присутствовать в произведениях, тематически или образно связанных с болезнью/медициной (в «Докторе Живаго» он обусловлен профессией главного героя, в «Раковом корпусе» – основной проблематикой и местом действия). Но важно, что морбуальный код может стать одним из ключевых в произведениях, не связанных напрямую с изображением болезни. Так, в «Архипелаге ГУЛАГ» формирование и развитие лагерной системы осмысливается в метафорах рака: автор показывает ее зарождение, быстрое «распространение опухоли» и описывает, как «архипелаг дает метастазы»⁵⁹.

Таким образом, морбуальный код можно определить как формально-содержательное единство, репрезентирующее в художественных текстах образы и/или метафорические проекции морбуальности. Литература «кодирует» представление о болезни, образы больных, врачей, медицинские «сюжеты» жизни. В то же время с помощью морбуального кода писатель может изображать политические, социальные, культурные процессы, напрямую не связанные с болезнью.

Код как «системность авторских выборов»⁶⁰ в конкретных произведениях может быть реализован на разных уровнях текста с разной степенью полноты. Вариативность использования данного кода зависит от индивидуальной поэтики писателя, от социальных, политических, этических, философских и эстетических кодов эпохи.

Обращаясь к вопросу о связи морбуального кода и медицинского дискурса, необходимо отметить следующее. Это пересекающиеся, но не совпадающие понятия. Они имеют общие репрезентанты, определяющие их концептосферу ('болезнь', 'здоровье', 'врач', 'пациент', 'лекарство', 'больница', 'палата', 'жизнь', 'смерть' и др.). Медицинский дискурс (в лингвокультурологии

ческом понимании, т.е. запечатленное в художественном тексте речевое взаимодействие врача и пациента), становясь объектом изображения в художественном тексте, использует элементы предметно-тематической и понятийной разновидности морбуального кода. Но далеко не всегда художественный медицинский дискурс связан с дискурсивной разновидностью морбуального кода, предполагающей описание в морбуальных понятиях и/или в медицинской терминологии изображаемых явлений и процессов. Морбуальный код, в отличие от медицинского дискурса, может быть ярко выражен в произведениях, напрямую с медициной не связанных («Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына).

Примечания

- 1 См.: Гончаров С., Гончарова О. Врач и его биография в русской литературе // Studio Literaria Polono-Slavica. 6. Morbus, Medicamentum et Sanus. Warszawa : SOW, 2001. С. 217–227.
- 2 См.: Каган-Пономарев М. Литераторы и врачи : очерки и подходы с приложением Библиографического словаря. М. : Дашков и К., 2007.
- 3 См.: Руднев В. Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология. М. : Класс, 2002.
- 4 См.: Пекуровская А. Страсти по Достоевскому : механизмы желаний сочинителя. М. : Новое литературное обозрение, 2004.
- 5 См.: Богданов К. Врачи, пациенты, читатели : Патографические тексты русской культуры XVII–XIX вв. М. : ОГИ, 2005.
- 6 См.: Сироткина И. Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX веков. М. : Новое литературное обозрение, 2008.
- 7 См.: Скопечная О. Русский параноидальный роман : Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М. : Новое литературное обозрение, 2015.
- 8 См.: Смирнов И. Психодиахронология : Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М. : Новое литературное обозрение, 1994.
- 9 См.: Сонntag С. Болезнь как метафора. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.
- 10 См.: Геллер Л. Враги здоровья и народа. Парадигма болезни в русском соцреализме // Studio Literaria Polono-Slavica. 6. Morbus, Medicamentum et Sanus. Warszawa : SOW, 2001. С. 351–364.
- 11 См.: Инчин К. Римское изречение «В здоровом теле – здоровый дух» и поэтика социалистического реализма // Там же. С. 385–397.
- 12 См.: Тамручи Н. Медицина и Власть // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 134–155.
- 13 См.: Фарупо J. Чем и зачем писатели болеют и лечат своих персонажей? // Studio Literaria Polono-Slavica. 6. Morbus, Medicamentum et Sanus. Warszawa : SOW, 2001. Р. 485–494.
- 14 См.: Фатеева Н. Семантическое поле «болезни» в поэтической системе Пастернака // Там же. 307–322.
- 15 См.: Трубецкова Е. «Новое зрение» : болезнь как прием
- остранения в русской литературе XX века. М. : Новое литературное обозрение, 2019.
- 16 См.: Шмелева Т. Тезаурус болезни. Русско-польские параллели // Studia Litteraria Polono-Slavica. 6. Morbus, Medicamentum et Sanus. Warszawa : SOW, 2001. С. 13–33.
- 17 См.: Туленинова Л. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- 18 См.: Севастьянова С. Концепт «болезнь» и концепция болезни в сборнике «Великое зеркало» // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 32–49. DOI: 10.17223/15617793/425/5
- 19 См.: Троян С. Шкала исход болезни в характеристике концепта «болезнь» // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 3, ч. 2. С. 309–311. URL: <http://expeducation.ru/ru/article/view?id=9724> (дата обращения: 15.11.2020).
- 20 См.: Дубинец З. Концепт «болезнь» в русской языковой картине мира // Филология и человек. 2018. № 3. С. 39–50. DOI: 10.14258/filichel(2018)3-03
- 21 Шуравина Л. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 67.
- 22 Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Ярцевой. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 136.
- 23 См.: Косицкая Ф., Матюхина М. Английский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (183). С. 45. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-6-44-48
- 24 См.: Барсукова М. Медицинский дискурс : стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. С. 34.
- 25 Майборода С. Вспомогательные стратегии в профессиональной речевой коммуникации доктора и пациента (К вопросу о границах классификации) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 401. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2016-16-4-396-401>
- 26 См.: Барсукова М. Указ. соч. С. 35.
- 27 Керер К. Особенности языкового выражения речевого воздействия врача на пациента в рамках медицинского дискурса (на материале кинофильма «Неотложка») // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2018. № 4 (66). С. 101.
- 28 Жура В. Нарратологические исследования устного медицинского дискурса // Нарративный поворот. 2013. № 1 (10). С. 73.
- 29 См.: Бушев А., Азгацева М. Терапевтические метафоры: текст и интерпретация // Тверской лингвистический меридиан / под ред. И. П. Сусова. Вып. 3. Тверь : Тверской гос. ун-т, 1999. С. 25–38.
- 30 См.: Бурова Г. Фармацевтический дискурс как культурный код : семиотические, прагматические и концептуальные основания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Ставрополь, 2008.
- 31 См.: Ефремова Н. Когнитивно-дискурсивные механизмы создания медицинского текста (на материале

- произведений Н. М. Амосова, Ф. Г. Углова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017.
- 32 См.: Керер К. Лингвокультурный концепт «врач» в отечественном художественном медицинском дискурсе (на материале произведения Д. Правдина «Записки городского хирурга») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 149–154. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-149-154>
- 33 См.: Керер К. Особенности языкового выражения речевого воздействия врача на пациента в рамках медицинского дискурса (на материале кинофильма «Неотложка»). С. 99–111.
- 34 См.: Пономаренко Е. Жанровая организация речевого общения врача и пациента (на материале художественных произведений писателей-врачей) : дис.... д-ра филол. наук. Симферополь, 2014.
- 35 Руднев В. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. С. 4.
- 36 Лингвистический энциклопедический словарь. С. 137.
- 37 См.: Кубрякова Е. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира : пространство и время : материалы науч. конф. М. : Диалог-МГУ, 1997. С. 15–25.
- 38 См.: Ватолина Т. Когнитивная модель детективного дискурса : на материале англоязычных детективных произведений XIX–XX вв. : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011.
- 39 См.: Иняшкин С. Американский научно-фантастический дискурс XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. 2011. № 1. С. 14–17.
- 40 См.: Ковалев П. Поэтический дискурс русского постмодернизма : дис.... д-ра филол. наук. Орел, 2010.
- 41 Керер К. Лингвокультурный концепт «врач» в отечественном художественном медицинском дискурсе (на материале произведения Д. Правдина «Записки городского хирурга»). С. 150.
- 42 См.: Козубовская Г. Середина века : миф и мифопоэтика. Барнаул : АлтГПА, 2008.
- 43 См.: Стенина В. Субъективация времени в эпистолярной А. П. Чехова : Морбуальный код // Философия Чехова : материалы Междунар. науч. конф. (г. Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008.
- 44 От лат. *morbus* – болезнь. В литературоведении начинает употребляться после выхода сборника «*Studio Literaria Polono-Slavica*. 6. *Morbus, Medicamentum et Sanus*» (Warszawa : SOW, 2001).
- 45 Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. С. 49.
- 46 Маслова В. Духовный код с позиции лингвокультурологии : единство сакрального и светского // Метафизика. 2016. № 4 (22). С. 80.
- 47 См.: Геллер Л. Указ. соч.
- 48 См.: Трубецкова Е. «Новое зрение» : болезнь как прием остранения в русской литературе XX века. С. 90–129.
- 49 Красных В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002. С. 232.
- 50 Маслова В. Национальные ценности и язык : духовный код культуры // Лингвистика. 2010. № 2 (20). С. 19.
- 51 Красных В. Указ. соч. С. 233.
- 52 Там же.
- 53 Папшева А. Применение категории «код» в лингвокультурологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 2, № 3. С. 493.
- 54 Наталья Тамручи говорит о метафоричности понятий «здоровый» и «больной» в советской риторике, где данные антонимы стали применяться «не только по отношению к человеческому телу, но и к телу социальному. Так, социализм “здоровый” противопоставлен капитализму “загнивающему”; высказывания, расходящиеся с курсом партии, именуется “гнилыми”, и т.п.» (Тамручи Н. Медицина и Власть. С. 13).
- 55 Подробнее см.: Трубецкова Е. Болезнь как социальная и политическая метафора в литературе и публицистике XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 65–68. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-1-65-68>
- 56 Королева Е. Языковые особенности индивидуально-авторского кода В. Ф. Ходасевича (на материале цикла «Европейская ночь») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. С. 6–7.
- 57 Об эстетической функции близорукости в новеллах С. Кржижановского см.: Трубецкова Е. «Ракетка и глаз, заброшенный в пространство» : визуальные коды русского формализма в новеллах Сигизмунда Кржижановского // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание / сост. Я. Левченко, И. Пильщиков. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 611–621.
- 58 Кржижановский С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. СПб. : Симпозиум, 2010. С. 170.
- 59 Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования : в 3 т. Т. 2. М. : ИНКОМ НВ, 1990. С. 57–58.
- 60 Фарино Е. Указ. соч. С. 49.

Поступила в редакцию 06.01.2021, после рецензирования 20.01.2021, принята к публикации 10.02.2021
 Received 06.01.2021, revised 20.01.2021, accepted 10.02.2021